

Перевернутые фразы, спутанные слова — совершенно невозможно было понять, что именно хотел выразить автор этих записей.

Цзян Сюйбай легко провёл пальцами по строчкам в книге.

Он вдруг даже начал сомневаться: а Туаньтуань действительно существует? Или всё, что происходит сейчас, — лишь предсмертная галлюцинация в последние мгновения его жизни?

Стоило этой мысли появиться, как она начала бешено разрастаться, словно лоза, оплетая сознание Цзян Сюйбая и утягивая его в бездну.

Взгляд постепенно стал пустым. Но, когда глаза качнулись в сторону, он заметил чёрную нить бус на запястье и резко пришёл в себя.

Нет. Нет. Всё, что он переживает сейчас, реально. Он сам реален, Туаньтуань реален, Лу И тоже реален. Всё это настоящее.

Цзян Сюйбай отбросил книгу. Сознание постепенно прояснилось.

Похоже, с этой книгой что-то не так. Если читать её слишком долго, можно постепенно оказаться под её влиянием. А может, проблема вообще во всей лечебнице. В любом случае нужно действовать быстро.

Часы во дворе мерно тикали. Наконец пробило полночь, и лечебница полностью погрузилась в тишину.

В коридоре второго этажа раздался короткий звук, после чего всё снова затихло. А в палате 04 человек, который должен был лежать в кровати, уже исчез.

Стоя на лестничной площадке, Цзян Сюйбай немного подумал и решил сначала проверить подвал.

Вниз действительно вела лестница, а вот выше третьего этажа никакой лестницы не было. Значит, попасть на четвёртый, похоже, можно только после выполнения какого-то особого условия.

Цзян Сюйбай ступал очень тихо, не издавая почти ни звука. Спустившись на первый этаж, он обнаружил, что днём лестница в подвал выглядела совершенно обычно, а теперь путь перекрывала железная дверь, опутанная тремя цепями.

Не ожидал, что ночью всё так изменится. Цзян Сюйбай достал короткий клинок. Вспыхнул холодный блеск — и цепи одна за другой разлетелись, совсем как та, что запирала палату.

Когда он толкнул железную дверь, она с громким скрежетом открылась. В ночной тишине звук прозвучал особенно отчётливо.

Цзян Сюйбай остановился и немного подождал. Ничего больше не произошло, и только тогда он шагнул в совершенно тёмный подвал.

Лестница оказалась длинной. С самого входа в нос бил лёгкий металлический запах крови, смешанный с запахом дезинфицирующего раствора. Чем ниже он спускался, тем сильнее становился этот запах.

Цзян Сюйбай невольно нахмурился.

В самом низу находилась ещё одна дверь. Из щели пробивался тусклый, странный зелёный свет. Когда дверь открылась и зелёное сияние легло на лицо Цзян Сюйбая, он разглядел то, что было внутри, и нахмурился ещё сильнее.

Весь подвал был заставлен стеклянными резервуарами высотой примерно три метра. Внутри плескалась вязкая светло-зелёная жидкость, время от времени всплывали пузырьки, а в ней находились самые странные трупы.

Свет исходил вовсе не от ламп, а от самой жидкости в резервуарах.

В ближайшем к двери лежало тело с человеческим торсом и рыбьим хвостом, похожее на русалку. Но на талии проходил страшный шов, словно две половины насильно сшили друг с другом.

Дальше встречались человеческие тела с головами животных, и грубые швы на шеях бросались в глаза.

У других тела были человеческими, зато руки и ноги — от разных животных.

Цзян Сюйбай ничуть не удивился. В романах и сериалах, которые он когда-то смотрел, почти ни одна сверхъестественная история о психиатрической больнице не обходилась без экспериментов над людьми, торговли людьми и тому подобного. Похоже, и здесь всё шло по привычному шаблону.

Он пошёл между стеклянными резервуарами в глубину подвала. Интуиция подсказывала, что там скрывается что-то ещё.

Но внезапно пространство погрузилось во тьму — густую, совершенно непроницаемую. Это было не похоже на выключенный свет; скорее, всё помещение до краёв заполнило какое-то чёрное вещество.

В этот момент сзади приблизилось прохладное дыхание. Руку обвили вокруг его талии, и кто-то прижался к нему со спины.

Мужчина ласково потёрся носом о шею Цзян Сюйбая, но голос звучал низко, хрипло и опасно.

— Малыш, почему не спишь послушно в палате, а пришёл сюда? Я ведь говорил: в лечебнице Таэр нет подвала. За такое придётся понести наказание.

Его рука медленно поднялась к шее Цзян Сюйбая, пальцы легли на бьющийся пульс. Стоило лишь немного надавить — и можно было мгновенно оборвать жизнь.

Цзян Сюйбай слегка повернул голову, щекой коснувшись лба мужчины. Тот был прохладным.

— Ты собираешься меня убить?

Мужчина тихо рассмеялся. Вибрация его груди передалась спине Цзян Сюйбая.

— Конечно... нет. Я же не смогу причинить вред нашему малышу.

— Но раз малыш всё-таки пришёл сюда, что именно может случиться дальше — я уже не обещаю.

Мужчина приподнял больничную рубашку Цзян Сюйбая и принялся кончиком пальца рисовать круги на его животе.

Цзян Сюйбаю стало щекотно, и он невольно ещё сильнее прижался к мужчине. Того это явно порадовало: смех стал заметнее, а прежде прохладное дыхание ощутимо потеплело.

— Малыш, ты сам бросаешься мне в объятия? Похоже, я тебе тоже очень нравлюсь.

Прохладные пальцы сжали подбородок Цзян Сюйбая и повернули его голову назад. На губы легли чужие, тоже чуть прохладные, и мужчина удовлетворённо выдохнул.

Цзян Сюйбай не сопротивлялся, позволяя чужому языку раздвинуть его губы.

Их дыхание смешалось. В тёмном пространстве особенно отчётливо звучали влажные, двусмысленно нежные звуки поцелуя.

В поцелуе мужчины чувствовалось сильное желание обладать, но при этом он удивительно точно соблюдал меру и ни разу не сделал Цзян Сюйбаю больно.

Спустя долгое время мужчина всё ещё неохотно отстранился, напоследок слегка прикусил его губу и оставил едва заметный след зубов.

— Какой послушный малыш. Раз малыш такой хороший, спрашивай что хочешь — я отвечу.

— Ты директор этой лечебницы?

Цзян Сюйбай сразу перешёл к делу.

Сзади раздался негромкий смешок, полный насмешливого удовольствия.

— Какой умный малыш. С первого раза угадал. Только я вовсе не хотел становиться директором. Просто прежний директор исчез, вот мне и пришлось занять его место. Что ещё хочешь спросить?

— Тогда как тебя зовут?

Цзян Сюйбай слегка сжал запястье руки, обнимавшей его за талию.

— Уже обмениваемся именами? Малыш, если обменяемся именами, это будет означать, что ты меня принял.

Цзян Сюйбай ничего не ответил.

Мужчина на мгновение застыл, затем торопливо придвинулся ближе. Рука на талии сжалась сильнее, а зубы слегка прошлись по его шее.

— Малыш меня не принимает? Так нельзя. Я отдал малышу свой первый поцелуй. Если теперь ты меня не примешь, мне придётся запереть малыша у себя.

— Нет.

Цзян Сюйбай разжал его пальцы и переплёл их со своими.

— Меня зовут Цзян Сюйбай.

В темноте мужчина мгновенно просиял от счастья. Там, где Цзян Сюйбай не мог видеть, в

черноте холодно блеснули зубы с пилообразными краями.

<http://bllate.org/book/20618/2061593>